

Ю. П. Шабает¹, Ю. В. Поляков², В. Э. Шаратов¹

¹ Институт ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар, Российская Федерация;

² Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина,
г. Сыктывкар, Российская Федерация

Символические пространства современного российского северного города в контексте городской антропологии

В статье анализируются городские пространства городов Европейского Севера России, их меняющиеся образы и то, как эти пространства и образы отражаются в ментальных картах, формируемых в сознании горожан. Анализируется опыт отечественной и зарубежной антропологии города и определяется, в какой мере разработана теория и методология этой субдисциплины и какие исследовательские традиции в ней преобладают. Анализируется, каким образом пространство становится важным элементом культурного ландшафта города и какова связь между городским пространством и идентичностью. Объектом исследования стали города Европейского Севера России. В статье отмечается, что арктическая и субарктическая урбанизация еще не стала предметом широкого изучения, а потому накоплен ограниченный опыт исследований и имеется весьма небольшой материал для сравнений. Основное внимание уделено анализу культурных пространств двух городов Коми — Сыктывкара и Воркуты. Выбор этих городов определяется как различиями в их истории, статусе, так и в характере формирования населения, его социально-профессиональном составе. Показано, что фрагментированное городское пространство не мешает формированию прочной городской идентичности, а укрепляет ее прочные социальные связи внутри городского сообщества. Официальный статус, и особенно статус столичности, не всегда находит отражение в городских образах и особенно в восприятии культурного пространства города самими горожанами.

Ключевые слова: *город, население, идентичность, ментальная карта, образ города, городское сообщество, этничность, Европейский Север, антропология города.*

Yu. P. Shabaev¹, Yu. V. Poliakov², V. E. Sharapov¹

¹Language, Literature and History Institute of the Research Center of the Russian Academy of Sciences Ural Branch, Syktyvkar, the Russian Federation;

²Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, the Russian Federation

Symbolic Spaces of a Modern Russian Northern City in the Context of Urban Anthropology

The authors of the article analyze the Russian European north cities' urban spaces, the cities' changing images and how these spaces and images are reflected in mental maps, which are formed in citizens' minds, as well as the links between urban space and identity. The article analyzes the experience of domestic and foreign urban anthropology of the city and determines to what extent the theory and methodology of this subdiscipline has been developed and what research traditions prevail in it. It also analyzes how urban space becomes an important element of the city's cultural landscape and what is the relationship between urban space and identity. The object of this study is the cities of the European north of Russia. The article notes that the arctic and subarctic urbanization has not yet become a subject of wide study, and therefore limited research experience has been accumulated and there is also very little material for comparisons. The primary authors' attention in the article is paid to the cultural spaces analysis of the two cities of Komi Republic - Syktyvkar and Vorkuta. The choice of these cities is determined both by differences in their history, status and in the nature of the formation of the population and its socio-professional composition. The article shows that fragmented urban space does not interfere with the formation of a strong urban identity, but strengthens its strong social ties within the urban community. The official status, and especially the status of the capital, is not always reflected in urban images and especially in the perception of the cultural space of the city by the citizens themselves.

Keywords: *city, population, identity, mental map, urban image, urban society, ethnicity, European North, urban anthropology.*

Введение. Антропология города в России за десять-пятнадцать лет превратилась из относительно новаторского направления научных исследований в активно развивающуюся субдисциплину, занимающую пограничное положение между социологией и этнологией. Однако до сих пор не сложились устоявшиеся антропологические школы, направления исследований, хотя очевидно, что именно социологи и этнологи наиболее широко и системно изучают городские пространства и городские сообщества. Между тем имеющийся опыт отечественных городских исследований все еще недостаточен для того, чтобы его можно было обобщить и представить как сформировавшееся исследовательское направление в наиболее основательных российских учебниках социологии и этнологии. При этом стоит заметить, что в классических западных учебниках социологии городу уделено значительное место. Так, в социологическом учебнике Нейла Смелзера [1] уделяется внимание не только этническому и расовому неравенству, но и есть глава «Поселенческие общности и жизнь в больших городах». Во втором издании учебника социологии Энтони Гидденса не только рассматривается взаимосвязь культуры и общества, оценивается роль расы, этнической принадлежности и иммиграции, но и представлена тема «Города и городские пространства» [2]. Только в одном добротном отечественном учебнике по социальной антропологии есть полноценная глава «Городская антропология», но в ней обобщается опыт западных исследований, а российский материал минимален [3]. Правда, стоит заметить, что на Западе дебаты по поводу теории и методологии антропологического изучения города также продолжаются [4].

Предметная неопределенность названной субдисциплины, которая имеет очевидный конструктивно-прикладной характер и вызывает интерес у широкой аудитории, позволяет весьма вольно трактовать цели и задачи антропологии города, ее функции. В нашем понимании **город и городское культурное пространство**

есть творение человека, и именно человек и городские сообщества в целом (а равно и стратиграфия этих сообществ) должны быть в центре внимания городской антропологии, ибо человек и формирует, и маркирует культурное пространство города.

Поэтому в центре нашего внимания в данном случае находится как пространственная организация северных городов, так и его восприятие населением, то есть образы городов [5], когнитивное картирование этого пространства или их ментальные карты [6, с. 300—301], его отражение в городской идентичности, формирующейся в процессе интеракции [7]. Наряду с методом когнитивного картирования использованы этнографические наблюдения, социологические опросы (и их результаты), проведенные с помощью формализованных интервью. Основными объектами нашего анализа являются культурное пространство и городские сообщества / идентичности двух самых значимых поселений Республики Коми, а именно: ее столицы и самого северного города — Воркуты, а потому очевидно, что мы использовали компаративистский метод и сравнительно-исторический.

Российская этнология и изучение городских сообществ. Несмотря на то что антропология города для отечественного обществознания является достаточно новым направлением научных поисков, традиция научного описания городов в стране глубока. Основоположником городской этнографии в России можно считать академика Иогана Георги, являющегося автором первого полного этнографического описания народов Российской империи, который в 1794 году осуществил этнографическое описание Санкт-Петербурга [8].

На рубеже XIX и XX веков в России сложилась школа исторического градоведения [9], а с начала XX столетия начинают довольно активно изучаться города Сибири. В 1920-е годы на страницах жур-

нала «Краеведение» публиковались статьи, посвященные особенностям городской жизни и городским традициям. По мнению Н. Гониной и А. Аксеновой, формирование и развитие советского краеведения опиралось на труды и опыт ученых конца XIX — начала XX века, в результате в Петербурге-Ленинграде сложилась оригинальная школа научного краеведения И. М. Гревса — Н. П. Анциферова — Н. К. Пиксанова, в понимании сторонников которой термины «краеведение» и «социальная история» были уравнены. «Роль данной школы заключается в применении к отечественному историко-краеведческому материалу идей урбанизма и в результате разработке теории изучения города как целостного социально-культурного объекта... Впервые в гуманитарном научном контексте было применено понятие “городская среда”. Центром внимания данного направления был город, в том числе провинциальный, и его социокультурная составляющая... Город анализировался как некая единая триада: “пространство — социум — культура”» [10].

Но в начале 1930-х годов, когда было разгромлено краеведение, запрещены всякие попытки социологического изучения советского общества, а этнология была переключена в сугубо описательную науку этнографию, о городе можно было прочитать только на страницах журнала «Архитектура СССР», где город оценивался лишь как градостроительная проблема.

В 1960-е годы, в период так называемой хрущевской оттепели, интерес к городу как объекту социологических и этнографических исследований вновь начинает возрождаться. Но этот интерес как тогда, так и во многом сейчас носил очень узкий, локально ориентированный характер. Этнографами в основном изучались отдельные этнические группы горожан и то, каким образом в их быту сохраняются культурные традиции того или иного народа (социологи недалеко ушли от этнографов). Классическим примером подобного рода работ может служить монография О. Р. Будиной и

М. Н. Шмелевой «Город и народные традиции русских» [11], название которой говорит и о ее содержании, а также более поздняя монография Н. А. Томилова, претендующая на обобщающую работу, но в реальности посвященная описанию бытовых традиций городских сибирских татар [12].

В современной отечественной этнологии сохраняется традиция изучения отдельных групп горожан и специфических локусов городского пространства (мест сосредоточения трудовых мигрантов, рынков, где процветает этническое предпринимательство, цыганских предместий). И при этом интерес к северным (а особенно арктическим) городам как объектам антропологического изучения невелик. Подобная практика характерна как для отечественных, так и для западных антропологов, ибо, как замечает профессор Венского университета Петер Швейцер, «несмотря на то, что урбанизация была признана “глобальной тенденцией” на Севере и во всем мире, для антропологии как дисциплины характерна давняя традиция проведения исследований в сельской местности, восходящая к Боасу, Богоразу и Малиновскому. В этом отношении современная антропология Севера может рассматриваться как одна из последних сфер исследований “традиционной культуры”» [13, с. 11].

Северные города и арктическая урбанизация. Конечно, на Севере условия для появления городов возникли довольно поздно, ибо последнее оледенение закончилось здесь всего 12 тыс. лет назад, а потому и формирование собственно арктических культур началось лишь несколько тысяч лет назад и, вероятно, тогда, когда уже стали возникать первые городские поселения в очагах земледельческих цивилизаций. Хотя, если верить «Истории Коми», то человек заселил и освоил европейский северо-восток 100 тыс. лет назад [14], но совершенно непонятно, как человек мог осуществлять хозяйственную деятельность в условиях обледенения или даже на границах ледника. Идею раннего заселения Арктики со

ссылкой на коми археологов охотно подхватили и другие ученые, указывая, правда, несколько более скромные даты начала «освоения». Однако более серьезные исследования показывают, что формирование арктических культур началось несколько тысяч лет назад, относя его к эпохе неолита [15]. Но арктическая урбанизация как культурное явление — это очень позднее явление, ибо массовое появление городов в Арктике и Субарктике относится к XX столетию. Между тем стоит заметить, что отдельные очаги городской культуры на Севере стали возникать еще в средневековье, но это относится только к северу Европы.

Первая церковь в норвежском городе Тромсе (70-й градус северной широты) была построена в 1272 году, что и можно считать датой основания города, получившего ныне неофициальное имя «Париж Севера». В наши дни население Тромсе составляет примерно 74 тыс. человек, то есть это весьма крупный северный город. В Швеции самый старый северный город Умео — столица провинции, основанный в 1622 году (первое упоминание — 1314 г.), здесь сегодня 89 тыс. жителей. Это 64-й градус северной широты (Архангельск расположен на полградуса севернее).

В Финляндии самый северный город — Рованиemi — столица финской Лапландии и второй город после Салехарда, который расположен почти на полярном круге, как и Салехард, поименованный первоначально Обдорском и заселенный до начала XX века преимущественно коми-зырянами. Рованиemi основан в 1453 году, современное население — 60 тыс. человек, есть аэропорт, железная дорога, университет, исследовательский центр «Арктикум». Даже в почти полностью покрытой льдами Гренландии сегодня три города, в Исландии — 30, и на обоих островах большая часть населения — горожане, как и на других арктических и субарктических территориях планеты. В российской Арктике, как показывают данные текущей статистики, более 80 % населения проживает в городах.

В Канаде обширные территории расположены в Арктике и Субарктике, но всего несколько городов, население крупнейшего из них составляет 25 тыс. человек. Разительно отличается от Канады Аляска — крупнейший по территории штат США. Здесь 148 городов, и по этому показателю Аляска схожа с российской Арктикой и Субарктикой, где тоже сегодня десятки городов и городских поселков. Не случайно, что два крупнейших северных города — это Анкоридж на Аляске и Мурманск на Кольском полуострове (примерно по 300 тыс. человек).

Самый первый российский город в Заполярье — Пустозерск — был основан в 1499 году в низовьях Печоры. Кола на Кольском полуострове — в 1565 (хоть есть предположения, что поселение здесь возникло еще в 1210 г.), Архангельск — в 1584, Обдорск, или нынешний Салехард, — в 1595, Мангазея — в 1600 г. Иными словами, города в российской Арктике стали возникать несколько столетий назад. Но по настоящему урбанизированной территорией российская Арктика стала в XX веке при советской власти, и ее активное освоение осуществлялось в основном методом штрафной колонизации, то есть за счет заключенных лагерей ГУЛАГа. Воркута, Норильск, Магадан, Апатиты, Кировск, Мончегорск и десятки других городов и городских поселков в российской Арктике созданы трудом узников ГУЛАГа, то есть людей, насильно высланных на Север. Тем не менее исследователи полагают, что северные города в гораздо большей степени можно считать городами, нежели многие городские поселения в средней полосе России. И это связано не с историей, а со спецификой социальной коммуникации. У жителей северных городов связь с сельской периферией обычно весьма ограничена, а поэтому внутренние социальные связи в самом городе приобретают большее значение и естественным образом цементируют городские социумы.

В развитии северных сообществ много общего, а арктическая урбанизация только подчеркивает эту общность, что приводит, в

свою очередь, к появлению надуманных культурологических концептов, авторы которых, опираясь на взгляды Н. Гумилева, настаивают на реальности таких понятий, как «циркумпольярный суперэтнос» и «циркумпольярная культура», или даже глобальная «циркумпольярная идентичность» [16].

Природно-климатические особенности, безусловно, влияют на культурный облик городских сообществ и особенности конструирования городских идентичностей, но пространственная организация этих сообществ также играет значимую роль в формировании специфического культурного облика северных городов, а потому в первую очередь обратим внимание на категорию пространства, а затем на ее связь с идентичностью.

Пространственная организация северных городов. Любой город имеет собственную организацию городского пространства, хотя она во многом может быть похожей на другие города. При этом каждый город отличается специфическим социально-профессиональным, этнорасовым, половозрастным составом жителей, определяющим особенности городских социумов, а расселение социально-профессиональных и этнорасовых групп в городе нередко определяет его социальную и культурную географию. Стоит заметить при этом, что города в России более чем где-либо похожи друг на друга, ибо советская индустриализация и советская модель урбанизации строились на неких унифицированных моделях, повлиявших как на пространственное развитие городов, так и на их архитектурный облик, состав жителей.

Многие города и городские поселки, особенно на Севере, возникли именно в эпоху СССР, а их общей чертой и общей проблемой является монопромышленный профиль. Города формировались при строящихся шахтах, рудниках, нефтепромыслах, заводах, транспортных узлах и часто в непосредственной близости от производственных площадок. На Европейском Севере примеров подобного

рода поселений множество: Мончегорск и Кировск на Кольском полуострове, Беломорск в Беломорской Карелии, Северодвинск, Коржма в Архангельской области, Инта, Воркута, Усинск — в Республике Коми. Привязка городских кварталов к производственным объектам — это специфическая черта советского индустриального города. При этом даже исторические города, вступив в эпоху индустриализации, стали обрастать заводскими поселками, а их пространственная среда дробиться на отдельные анклавы.

К примеру, компактный Усть-Сысольск / Сыктывкар, прижатый к реке Сыsole, являвшейся доминантой его пространственной организации, стал активно расширяться и превращаться в мозаику плохо связанных городских пространств именно в советскую эпоху, когда здесь появился лесозавод и район деревянных бараков при нем, а на другом берегу Сысолы возникли судоремонтные мастерские и затоны для судов, сплавные рейды с поселками при них, которые только много лет спустя благодаря строительству автодорожного моста были формально объединены в единое городское поселение. А возведение в 1960-е годы в 18 км от города огромного лесопромышленного комплекса сопровождалось как соединением города с Северной железной дорогой, так и постройкой промышленного поселка Эжва, где уже на начальном этапе проживали десятки тысяч человек. Эжва имела статус поселка городского типа, который в 1968 году был включен в черту г. Сыктывкара и превратился в Эжвинский район города. Но как территориально, так и ментально он оставался изолированным, ибо сплошной застройки, соединявшей его с городом, не было, а население поселка продолжало считать себя отдельным городским сообществом.

Нечто подобное имело место во многих городах Европейского Севера. К примеру, Архангельск, как губернский центр, естественным образом делился на ухоженную и парадную Немецкую слободу на правом берегу Северной Двины (которая, правда, занимала лишь

небольшую часть исторического центра), где проживали чиновники, купцы, иностранные торговцы, разночинная *интеллигенция*, и морскую слободу — Соломбалу, являвшуюся рабочей окраиной, поскольку здесь селились в основном те, кто был причастен к судостроению (на этом острове располагалось Адмиралтейство, учрежденное Петром Первым), рыбным промыслам и деревообработке. Старые архангелогородцы до сих пор, говоря «город», территориально ограничивают его пространство, ибо имеют в виду центр между Кузнечевским и Северодвинским мостами.

Соломбала расположена на острове (группе островов) и долгое время имела даже статус селения Соломбальского (официально вошло в состав города в 1863 г.), а эпопея строительства моста между островом и основной частью города длилась более ста лет. Географические и социальные границы превратили Соломбалу в «особый мир», как пишут краеведы, а у её населения сформировалась своя четко выраженная локальная идентичность.

Остатки этой локальной идентичности можно встретить до сих пор. Примером чему может служить городской фольклор, в частности широко распространенная у архангелогородцев поговорка типа «дел как у соломбалки» (то есть очень напряженный график ежедневных работ).

Преобразование Архангельска и области в эпоху советской индустриализации во «всесоюзную лесопилку» привело к тому, что здесь на окраинах и на месте бывших деревень были построены лесобиржа, Соломбальский ЦБК, около десятка лесопильных заводов, лесной порт, гидролизный завод, завод «Красная кузница» и сформировался специфический рабочий район Маймакса (официально вошел в состав города в 1924 г.).

Освоение Севера и его лесных богатств осуществлялось силами заключенных ГУЛАГа, и Архангельская область вместе с другими районами Европейского Севера была одним из основных регионов,

куда ссылали сначала раскулаченных из центральных и южных областей страны, а затем и узников сталинских лагерей. Многие из них затем стали селиться на окраинах Архангельска, включая район Маймакса, и сюда же стекались так называемые вербованные — люди, прибывшие на Север по вербовке с целью получения высоких заработков из других регионов страны, а часто по окончании службы в армии (обычно это были парни из сел, которые не хотели возвращаться в колхозы).

Для них город не являлся родиной, не имел того символического значения, какое он приобрел для местного поморского населения, а значит, для коренных жителей города промышленная Маймакса была «не совсем Архангельском», и ее жители были «не совсем» архангелогородцами, а потому маркировались как отдельное городское сообщество, которое до сих пор воспринимается именно так и маркируется как проблемный район.

На юге Архангельской области в одном из самых старых городов — бывшем уездном центре (ныне — райцентре) Вельске (основан в 1137 г.), как и в Архангельске, Сыктывкаре, многих других исторических городах, уже в первые годы советской власти были разрушены храмы, являвшиеся как символическими доминантами городской среды, так и объектами, объединяющими городские пространства. Была разрушена и значительная часть исторической застройки, а индустриализация и последующее развитие города привело к освоению территорий на другом берегу Ваги, где возник район Лесобазы-1 (а затем и Лесобазы-2), где были построены лесоперерабатывающие предприятия и возникли два рабочих поселка с деревянной малоэтажной застройкой улиц и образом жизни рабочей окраины. Даже символика улиц в исторической части и на Лесобазе была разной. В историческом центре главная улица — это по-советски маркированная улица Кирова, на Лесобазе — улица Заводская.

Индустриальная мозаичность городского пространства особенно очевидна для городов, возникших в эпоху СССР, и в частности для новых городов Коми, созданных вдоль Северной железной дороги, официально введенной в эксплуатацию в 1941 году. Город Сосногорск, являющийся важнейшим железнодорожным узлом, делится на железнодорожную часть и поселок (квартал) газодобывальщиков — работников газохимического завода, г. Печора — на железнодорожную и речную части, до сих пор не слившиеся в единое городское пространство. Но наиболее показательна, конечно, территориальная организация Воркуты, долгое время являвшейся вторым по численности населения городом республики.

Пространственная среда города окончательно сформировалась в 1950–1970-е годы, хотя поселок Рудник как исторический центр города возник в 1929 году, когда сюда из Соловецкого лагеря (СЛОН) прибыла партия специалистов для проведения геологоразведочных работ. В послевоенный период вместо первых маломощных и плохо оснащенных шахт строились новые с большими объемами добычи и высоким уровнем механизации труда, возле каждой такой шахты возникал шахтерский поселок, который располагался довольно далеко от относительно компактного городского центра, где размещались городские власти, основные культурные и образовательные учреждения. Все поселки были связаны с центром 70-километровой кольцевой дорогой и составляли вместе с городом единое поселение — Воркутинский горсовет (позднее — Воркутинский городской округ). В его состав входили поселки Северный, Цементозаводской, Юр-Шор, Промышленный, Октябрьский, Заполярный, Комсомольский, Новый, Монтажный, Горняцкий, Северный, Советский, Воргашорский и другие. Воркутинский поселок был центром жизни для жителей. И именно из этих поселков выросла современная Воркута, и именно в поселках родилась воркутинская идентичность. Поселок стал основой топографии города в его «золотой век» — 1960—1970-е годы. Но в массовом сознании воркутинцев

рефлексия городского пространства, состоящего из цепочки самостоятельных поселков при шахтах, приобрела характер символической «карты», которая у местных жителей получила название «шахты по кругу», хотя в реальности никакого «круга» не было, а поселок Халмер-Ю вообще располагался в 90 км к северу от города.

Маркирование и современное брендинг северных городов. Специфика северных городов состоит в том, что они естественным образом воспринимаются как центры цивилизации, призванные «окультуривать» обширные малонаселенные пространства, обеспечивать функционирование институтов социального сервиса, коммуникаций и производственных систем, что придавало им значение не только региональных хозяйственных центров, но и символическое значение «городов на холме» — форпостов цивилизации, культурно значимых поселений. Отсюда возникла некая символическая периферийная «столичность», когда отдельные города приобретали статус символической региональной «столицы».

Так Архангельск не только долгое время был крупнейшим городом Европейского Севера, важнейшим торговым портом и «окном в Европу», а также губернским центром, которому была подчинена территория от Норвегии и Финляндии до Полярного Урала. Одновременно он слыл и одним из самых европейских, цивилизованных городов России, что нашло отражение в фольклорной традиции и описаниях. В Архангельском фольклоре есть сюжет о соперничестве Архангельска и Петербурга и о том, как строительство Петербурга привело к падению роли Архангельска и архангельского порта. В советские годы город с 1929 по 1936 год был столицей обширного Северного края и затем стал конкурировать с Мурманском за звание столицы российской Арктики. А «столичная идентичность мурманчан основывается на том, что Мурманск — областной центр, его называют главным городом Кольского полуост-

рова (Мурманской области, столицей Заполярья. Именно «столичность» Мурманска позволяет мурманчанам противопоставлять себя жителям других регионов» [17, с. 74]). Архангельск же на рубеже XIX и XX столетий усилиями исследователей, писателей и художников превратился в символическую столицу «Русского Севера», но при этом сам термин «Русский Север» был введен в публичную сферу не кем иным, как одним из самых известных губернаторов Архангельской губернии Г. П. Энгельгардтом [18, с. 173—190]. Сегодня Русский Север воспринимается как некий фольклорный определитель территории всего Европейского Севера. В постсоветскую эпоху, когда произошла актуализация поморской идентичности, а идея Поморья была активно вовлечена в публичную сферу местными исследователями, Архангельск стали называть «столицей Поморья», хотя границы этой культурной провинции являются неопределенными.

Великий Устюг является сегодня «новогодней столицей» России, ибо здесь расположена «резиденция» Деда Мороза и именно эта идея, а не богатое историческое прошлое и культурное наследие являются основой городского брендинга.

Тотьма позиционирует себя как «столицу» российских мореходов, ибо тотемские купцы снарядили более 20 экспедиций в полярные моря и на Тихий океан, что больше, чем было организовано московскими, вологодскими и великоустюжскими купцами вместе взятыми. Отсюда родом многие видные российские мореходы и землепроходцы, поэтому не случайно, что в городе создан «Музей мореходов», а в популярном у туристов и дальнбойщиков мотеле возле города на трассе Великий Устюг — Тотьма — Чекшино — Вологда, который носит название «Арктика», висят портреты мореходов, карты морских путешествий и гравюры с изображениями судов.

Вельск претендует на роль «столицы» Важского края (архангелогородцы называют жителей юга области «ваганями»), который

должен объединить северные районы Вологодчины (Вельск до 1929 г. находился в составе Вологодской области) и южные районы Архангельской. Была даже попытка сформировать межрегиональное «Важкое движение», против которого активно выступили власти АО. В последнее время город стали называть «южной столицей Архангельской области».

В Республике Коми на столичный статус претендуют два города — ее официальная столица Сыктывкар и шахтерская Воркута. Эти города долгие годы являлись культурными центрами, которые соперничали друг с другом. В Сыктывкаре два театра (музыкальный и драматический) и в Воркуте два (драматический и кукольный), причем воркутинский театр вырос из лагерного театра Воркутлага, который возглавлял режиссер Большого театра Мордвинов, а в труппе было множество талантливых и известных актеров, сидевших в воркутинских лагерях. Студия телевидения появилась в Воркуте раньше, чем в столице республики, известные актеры и певцы гастролировали в Воркуте чаще и охотнее, нежели в Сыктывкаре. Население индустриальных городов Коми считало Воркуту негласной «столицей рабочего и русского» Севера, а Сыктывкар — столицей аграрного комиязычного центра и юга республики. Границей «Русского Севера» в сознании воркутинцев и жителей других северных городов на символической карте республики была Ухта. Воркутинцы говорили: «коми живут до Ухты, а дальше — русские». В чем-то эти взгляды совпадали и с ментальной картой республики, сформировавшейся в сознании сельского коми населения, особенно из районов, прилегающих к республиканской столице. В их картине мира Сыктывкар был как бы естественным региональным центром, единственным и главным городом в их воображаемом местном культурном пространстве, но при этом городом реальным, хотя и символически значимым. Другие же города республики существовали как бы условно, только как точки на карте. По мнению специ-

алистов в области коми топонимики, «существует некая пространственно-культурная ориентация, связанная с городом, которая свидетельствует о восприятии Сыктывкара как центра некоего символического пространства коми из южных и центральных районов РК. Стереотипная фраза сельских коми “Кытчö мунап? Карö” / рус. “Куда идешь? В город (в Сыктывкар)” есть своеобразный пространственно-культурный код. Отсутствие в этой фразе названия города, в нашем случае Сыктывкара, воспринимается собеседником как упоминание объекта достаточно известного в силу его главенства на данной территории, популярности. В зависимости от расположения говорящего по отношению к реке (Сыsole или Вычегде), т. е. по течению или против течения, используются разные пространственно-ориентированные формулировки: “Кая карö” / рус. “Поднимаюсь в город (Сыктывкар)”; “Лэчча карö” / рус. “Спускаюсь в город (Сыктывкар)”» [19, с. 38; 139]. Но при этом в коми фольклоре не сложилось сколько-нибудь значительного пласта повествований, в которых бы отражался образ Усть-Сысольска как «столицы Зырянского края», как его порой называли заезжие путешественники в XIX столетии [20].

Сыктывкар до 1960-х годов был небольшим городом, застроенным преимущественно деревянными домами, который не был связан с железнодорожной сетью страны, в силу чего в конце 1930-х годов даже была идея перенести столицу Коми в Ухту. Старые сыктывкарцы вспоминали, что на месте главного корпуса Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина у них были огороды, где они сажали картошку, а в районе нынешнего железнодорожного вокзала уже рос лес, где сыктывкарцы собирали грибы.

Отсюда возникла двойственность восприятия города, которая сохранилась до сих пор. С одной стороны, город воспринимался как культурный центр края, столица республики, но с другой — как большой уютный провинциальный город, где все друг друга знают.

Наоборот, в Воркуте категория столичности — это часть актуальной городской мифологии. На 60-летию города в 2003 году ее тогдашний мэр И. Шпектор провозгласил: «Воркута — столица мира!». Сегодня эту фразу гости города также часто слышат из уст воркутинцев. Но не Шпектор являлся автором этой фразы, ибо еще в 1980-е годы воркутинские молодежные группировки сделали его своим лозунгом, а родился он, скорее всего, в недрах первой Воркуты, когда большую часть ее населения составляли заключенные лагерей, среди которых были представители разных этнических групп и граждане многих стран мира.

У воркутинцев комплекс столичности многослойный, но эта многослойность основывается как на исторической памяти, так и на специфике городского хозяйства. Можно привести в качестве примера целый ряд местных лозунгов и культурных маркеров: «Воркута — шахтерская столица», «Воркута — столица ГУЛАГа», «Воркута — столица вечной мерзлоты», а еще Воркута долгое время представлялась как негласная столица Севера, что нашло отражение в словах известной всей стране «эковской» песни, родившейся в позднесталинскую эпоху, которую пела вся страна и ее самые известные артисты. Так на популярной радиопередаче «В нашу гавань заходили корабли» ее исполнял известнейший клоун, киноактер и директор московского Цирка на Цветном бульваре Юрий Никулин: *«По тундре, по железной дороге / Мчится курьерский «Воркута — Ленинград». / Мы бежали с тобою, ожидая тревоги, / ожидая погони и криков солдат».*

Восприятие города зависит не только от того, как формируется городское пространство, но и от социально-профессионального состава его жителей, от характера их взаимодействия. Важно заметить, что не организация городского пространства играет решающую роль в формировании городской идентичности, а социальные коммуникации и характер социального взаимодействия.

Идентичности и ментальные карты. Воркута возникла как город-концлагерь, хотя это определение было дано скорее не городу, а исторической вехе в его развитии, имевшей место в период с 1929 по 1960 год. В 1929 году на Воркуте высадился первый десант специалистов-геологов, присланных из лагеря СЛОН, созданного в 1923 году на Соловецких островах, а в 1960 году в шахтах перестал использоваться труд заключенных и началась эпоха второй Воркуты — «золотого века» города, который еще называли «городом длинного рубля».

Начальный этап развития города и последующие периоды его развития существенно различаются в плане формирования городского сообщества, хотя на каждом из этапов город представлял собой сообщество мигрантов — вынужденных или добровольных. Процессы социальной интеграции внутри группы в социологическом плане определяются характером и интенсивностью контактов внутри группы. Интенсивный характер внутригруппового взаимодействия способствует формированию и укреплению самости социального сообщества, но на начальном периоде истории Воркуты подавляющая часть ее «жителей» в силу своего социального статуса была вынуждена ограничивать свои социальные связи внутрилагерным взаимодействием и отношениями с представителями коллективов тех объектов, на которых трудились заключенные. Очевидно, что замкнутость социальных связей в ограниченном социальном пространстве не способствовала формированию общегородской или даже локальной идентичности, ибо лагерные сообщества были разделены своими внутренними социальными границами и там была своя строгая иерархия [21]. Отсутствие активной интеракции внутри города не создавало того социального взаимодействия, которое, согласно концепции Уайта [7], и формирует идентичность. Поэтому вполне закономерно, что ни архивные, ни

музейные материалы, ни воспоминания воркутинцев не фиксируют ее наличия, то есть город-концлагерь не воспринимался как «свой» теми, кто формально являлся его жителем.

Но отсутствие укоренившейся и отчетливо осознаваемой городской идентичности не означало отсутствия сформировавшейся ментальной карты города. Такая карта в сознании «воркутинцев» эпохи первой Воркуты была, и более того, она вполне адекватно отражала специфику социального состава населения того периода и особенности организации городского пространства. В сознании заключенных и прочих жителей картировались важнейшие элементы социальной топографии города. *А главным элементом топографии первой Воркуты была Зона*, и потому ментальная карта была весьма своеобразной, и ее можно воссоздать по рисункам заключенных (см. рис. 1, 2). Для формирования ментальной карты уместно в первую очередь опереться на идеи визуальной антропологии, ибо «парадигма городской визуальной антропологии <...> диверсифицирует методологию и предметную сферу своих исследований, обращаясь к изучению произведений искусства, объектов материальной культуры, истории организаций, созданию фото- и кинообразов, цифровому моделированию, деконструкции репрезентаций в массовой культуре, анализу городских жизненных стилей в ответ на меняющиеся коммуникационные технологии...» [22, с. 7—8]

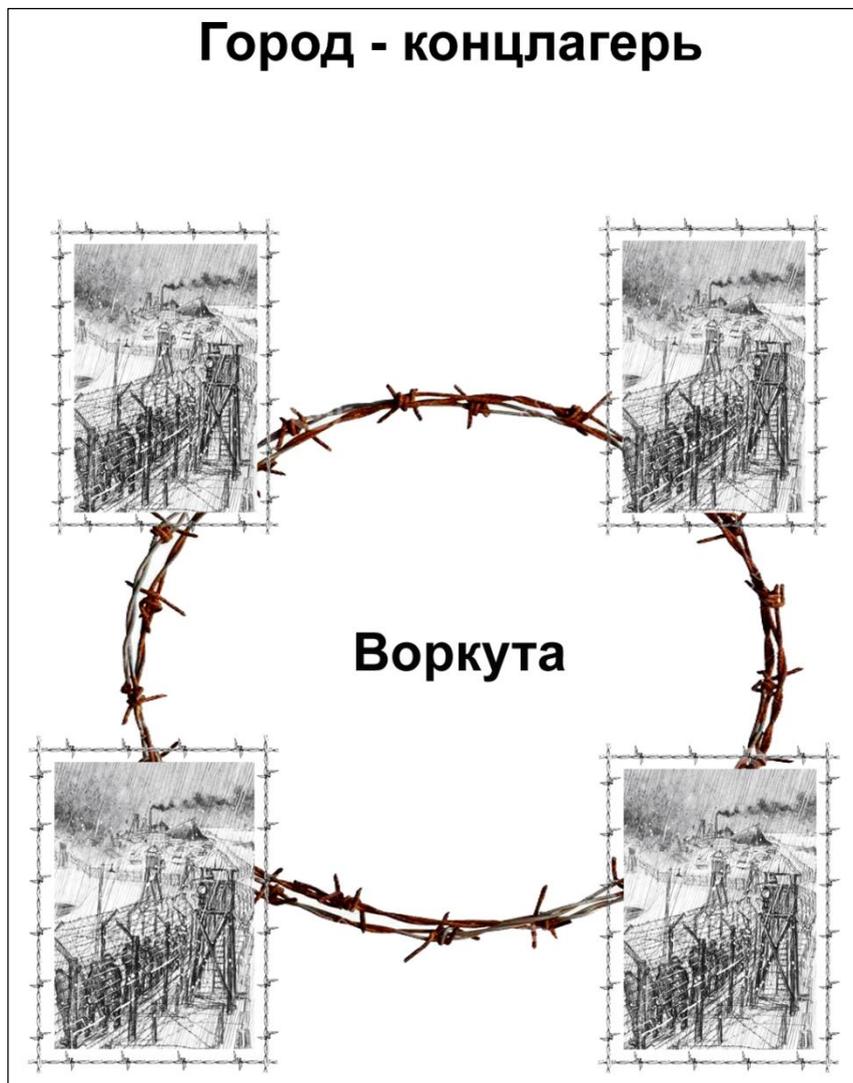

Рис. 1. Ментальная карта первой Воркуты

Рис. 2. Рисунок заключенного Воркутлага, характеризующий восприятие культурного пространства города

Конечно, и образ города, и городское пространство воспринимались каждым человеком по-разному, но в случае с Воркутой

очень четко прослеживаются общие, доминирующие способы маркирования городской среды как в эпоху первой Воркуты, так и в последующую эпоху.

Город вне Зоны и его публичное пространство для заключенных были terra incognita, поскольку город был неким мифом, а его ментальная карта — большим белым пятном, по краям которого и размещались конкретные зоны. Большинству заключенных он был недоступен и неведом. Для них реальными городскими объектами была Зона и Шахта (или иной промышленный объект), где они трудились, а потому не случайно на многих рисунках изображены бредущие колонной зеки, которые идут между рядами колючей проволоки к своим баракам «на зоне», а на заднем плане возвышаются терриконы шахт и дымятся трубы обогатительных фабрик. А города нет. На основе этого лаконичного визуального образа формировалась ментальная карта Воркуты и сам образ города, который воспринимался (и был в реальности таковым) как одна Большая Зона.

Но если первая Воркута была городом без горожан и городской идентичности, то вторая Воркута от нее резко отличалась.

Воркутинский поселок стал центром жизни для жителей второй Воркуты, хотя как часть городского пространства он появился еще в 1931 году. Именно из шахтерских поселков выросла вторая Воркута, и можно сказать, что в поселках и родилась воркутинская идентичность. Поселок стал основой топографии города в его «золотой век», то есть до конца 1980-х годов.

В ментальной карте второй Воркуты, как сказано выше, поселки воспринимались их жителями как некий круг поселений вокруг городского ядра, а потому в городском просторечии поселковые пригороды назывались «шахты по кругу» (см. рис. 3). Эта карта, сформировавшаяся в представлениях воркутинцев, своеобразным образом цементировала городское сообщество, которое в простран-

ственным плане было весьма фрагментировано, но в символическом осознавалось как единое. При формировании воркутинской идентичности определенно просматривается идея Уайта о путешествиях личности по сетевым сферам. Она формировалась по линии *поселковый житель (член поселкового сообщества) — шахтер (член шахтерского сообщества, понимаемого весьма широко) — воркутинец (член городского сообществ воркутинцев).*

Рис. 3. Ментальная карта второй Воркуты

Половина населения Воркуты проживала в поселках, но жители поселков не идентифицировали себя как отдельные городские сообщества и именовались воркутинцами, особенно когда они уезжали из города в другие края. Быть жителем никому не известного

шахтерского поселка было не престижно, а именоваться воркутинцем, то есть жителем известного всей стране заполярного города, было гораздо почетнее. Поэтому поселковая идентичность подавлялась общегородской. Часто в обыденных разговорах люди не пользовались официальными названиями поселков (Советский, Промышленный и т. д.), а просто говорили «у нас на поселке», отмечая тем самым вторичность и малозначимость принадлежности воркутинца к конкретному поселку. Важнее была его принадлежность к общему воркутинскому сообществу и не только потому, что это было более престижно. Общеворкутинский характер идентификации жителей городского центра и поселков определялся социальной и символической однородностью сообщества воркутинцев, а также профессиональной солидарностью и принадлежностью всех вокутинцев к общему делу. Одни добывали уголь в забоях, другие обогащали его на обогатительных фабриках, третьи — занимались транспортировкой. Геологи вели разведку новых угольных горизонтов и подготовку пластов к проходке, учителя учили детей шахтеров в школе, строители строили жилье для шахтеров, то есть все так или иначе были связаны реальными и символическими связями в некий социальный монолит — воркутинское городское сообщество, которое к тому же имело четко очерченные географические границы.

Работало на формирование общей идентичности и то, что важнейшие символические события в жизни жителей поселков происходили в городском центре. Здесь в городском парке, возле спорткомплекса «Олимп» и на центральных улицах устраивались праздничные мероприятия в День шахтера и День геолога (главные городские праздники), проходили демонстрации 1 мая и 7 ноября, сюда стекался народ на новогодние торжества. С железнодорожного вокзала и из аэропорта начинались (и заканчивались) дороги в пионерлагеря, на южные курорты и к родственникам, которые

проживали в других регионах страны. Во Дворце шахтеров устраивались концерты столичных артистов и т. д.

Если говорить о городской идентичности, то именно в «золотой век» города окончательно сформировалось прочное тождество воркутян / воркутинцев со своим городом и с его жителями, укрепилась их гражданская солидарность. Все нынешние и бывшие воркутинцы отмечают, что они жили дружно с соседями, что в городе царил атмосфера взаимопомощи, дружелюбия (если оставить за скобками отношение к коми) и взаимопомощи. Укреплению воркутинской идентичности способствовал и развитый городской текст, ибо о городе и воркутинцах было написано множество стихов и песен. Укреплению идентичности в значительной мере способствовала также общность личных судеб и интересов, о чем сказано в неофициальном «Гимне старых воркутян» (есть и официальный гимн, музыку к которому написала А. Пахмутова):

*Одна судьба, одна беда
Связала прочно нас.
Забывать не можем никогда
Той дружбы без прикрас.
Одной мы ложкой ели,
Одни мы песни пели [23, с. 9].*

Прочная городская идентичность и социальная солидарность воркутинцев стали основой для того, чтобы город в конце 1980-х годов превратился в центр рабочего движения сначала в позднем СССР, а затем и в постсоветской России.

Но рынок и рыночные отношения разрушили экономическую основу воркутинского сообщества. Многие шахты стали нерентабельными и закрылись, а вместе с ними были ликвидированы и поселки. Сегодня из 11 шахт осталось только 4, и всего 3 поселка. Население современной Воркуты (вместе с поселками), по официальным данным (которые неточны), составляет уже менее 70 тыс. человек, то есть по сравнению с 1989 годом оно сократилось втрое. В

городе тысячи пустующих квартир, и не случайно у самих нынешних воркутинцев в большинстве своем сложился единый образ — «Умирующий город».

История Сыктывкара гораздо глубже, чем история Воркуты, а статус города был пожалован селу Усть-Сысола в 1780 году, когда оно превратилось в уездный город Усть-Сысольск, населенный преимущественно коми жителями. В том же 1780 году городу был пожалован герб, который затем был сначала забыт, а в постсоветскую эпоху и вовсе отвергнут и перестал быть его официальным символом, ибо в 1993 году решением городского совета депутатов был официально признан новый герб города, причем был предан забвению (несмотря на предложения сохранить исторический вариант) не только исторический герб, но и традиция размещать изображения на геральдическом щите. Был утвержден совершенно не отвечающий геральдическим традициям герб, который долгое время висел на здании мэрии города. В 2004 году, когда было принято положение о городской геральдике, современный герб не получил одобрения Геральдического совета при Президенте РФ, а его регистрация стала возможной только после доработки эскиза, суть которой сводилась фактически к возвращению исторического герба. Один этот факт свидетельствует, что историческая преемственность со старым Усть-Сысольском является для столицы Коми очень условной и в случае с Сыктывкаром трудно говорить о непрерывности городского текста-дискурса, хотя в последние годы и стали предприниматься попытки усилить роль исторической памяти в формировании культурного пространства города и городского текста.

Этому способствовали многие обстоятельства и в первую очередь характер развития города в советский период его истории и постсоветские реалии.

Социальные и политические перемены нередко порождают борьбу за символическое присвоение пространства города. Так, после победы большевиков старые названия городов заменялись новыми и главным способом имянаречения было присвоение городам фамилий известных деятелей коммунистической партии и идеологов марксизма, то же самое происходило и с названиями улиц и площадей. До сих пор в большинстве городов России есть улицы Ленина, Урицкого. Кирова, Маркса, Энгельса, Розы Люксембург, Коммунистическая и Советская, а также многочисленных местных партийных деятелей, включая первых секретарей обкомов партии. В Сыктывкаре уже в первые годы советской власти были разрушены главные символы города и его архитектурные доминанты — Стефановский и Троицкий соборы, улицы советизированы, то есть им были даны новые «советские» названия, и все они сохранились до сих пор. Старые памятники, в том числе и кладбищенские, уничтожались и вместо них на городских площадях сооружались памятники революционерам. Подобная форма советизации городского пространства имела место во многих старых городах [24]. Но вместе с советизацией началась и этнизация пространства городов, ибо большевики взяли на вооружение доктрину этнического национализма, суть которой сводилась к тому, что этнические и административные границы должны совпадать, а каждая этническая группа должна иметь ту или иную форму собственной государственности, в рамках которой титульная группа обретала статус «коренной» и получала определенные преференции, а все остальное население маркировалось как «некоренное». Старое административное деление страны разрушалось, и для многих этнических сообществ создавались союзные и автономные республики, национальные округа, национальные районы, а их центры (но не все) получали новое «национальное» название. Усть-Сысьольск был в числе тех городов, которому в 1930 году было присвоено новое имя Сыктывкар, что отчасти отражало сложившуюся традицию, ибо, как

утверждается, «местное коми население и ранее почти не пользовалось официальным названием “Усть-Сысольск”, предпочитая говорить “Сыктывдинкар”, “Сыктывдинпом”, “Сыктывдин” или просто “Кар” [25, с. 454], то есть в переводе с коми — «город».

Современное сыктывкарское городское сообщество не является символически интегрированным, а наоборот — разделено не только географическими границами, но также границами социальными и культурными, ибо жители Эжвинского района, который первоначально существовал как самостоятельный поселок, себя четко идентифицируют как членов сообщества Эжвы. То же самое можно сказать о жителях отрезанных рекой от города и находящихся на достаточном расстоянии от центра поселков Краснозатонский, Максакова, ибо их жители, как и жители Эжвы, «едут в город», когда садятся на рейсовые автобусы.

Более того, эжвинцы как сообщество, основой которого являлись рабочие Сыктывкарского лесопромышленного комплекса, ментально противопоставляют себя чиновничьему Сыктывкару, который маркируется как иное сообщество, причем менее культурно развитое: «у нас в Эжве — чисто, у вас в городе — грязно, у нас порядок, у вас нет порядка». Городское пространство четко делится на Эжву и Город, что создает ситуацию города в городе. Используя метод когнитивного картографирования, можно сформировать ментальную карту Сыктывкара, представляющую собой условное объединение в общем пространстве города двух самостоятельных городских сообществ (см. рис. 4).

Конечно, карта эта не является реальной, она существует в головах людей как репрезентация географического пространства города, имеющая некое символическое значение. Но, тем не менее, значимость подобного маркирования, наличие четко выраженной локальной идентичности эжвинцев стали основой для проведения в Эжве в 2000 году референдума о преобразовании Эжвинского района в самостоятельный город. На основании итогов референдума

(большинство участников поддержали идею) депутаты совета района приняли обращение к республиканскому парламенту, а тогдашний Глава РК В. Торлопов даже подписал указ о создании города Эжва, который был вскоре опротестован Конституционным судом.

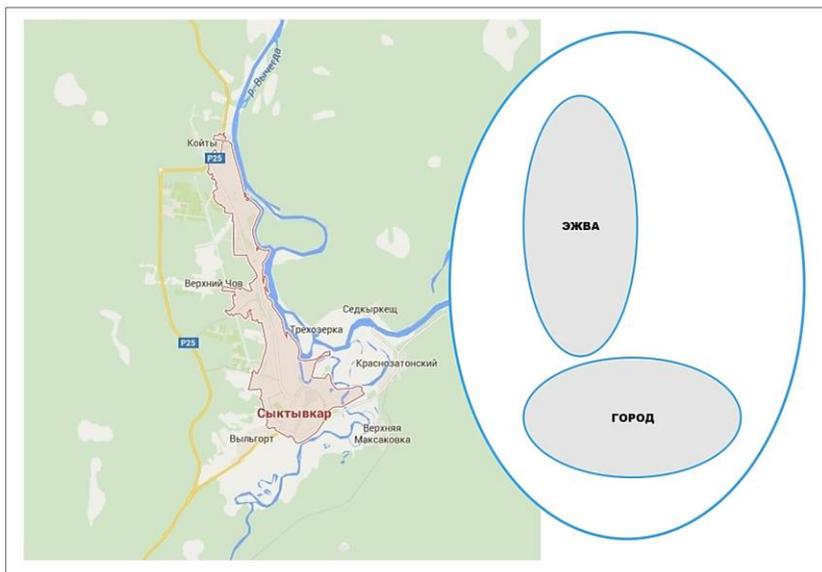

Рис. 4. Метальная карта современного Сыктывкара

Как уже сказано, Сыктывкар — это столица и самый старый город республики с долгой историей. Но, на наш взгляд, ни городской текст, ни городская идентичность здесь до сих пор не являются устойчивыми культурными явлениями. Изданий, рассказывающих о городе и его жителях, очень мало, и они не систематичны, если не принимать за таковое газету «Про Город», где основное внимание уделяется текущим событиям и хозяйственным проблемам, а история города и городское сообщество вторичны. В исторических опи-

саниях города человек и городское сообщество тоже часто отсутствуют вовсе. Городской фольклор не развит, песен и стихов о Сыктывкаре немного.

И это, наверное, не случайно, поскольку представители коми творческой элиты, которая в большинстве своем сосредоточена в столице, практически полностью своими корнями связаны с деревней. Многие сюжеты своих произведений и своих героев современные коми писатели находят на селе. Впрочем, аналогичная ситуация складывается и в других республиках с финно-угорским населением. Стоит заметить, что и в советской литературе в целом так называемая деревенская проза стала с 1960-х годов одним из ведущих литературных течений. А одной из характерных черт этого направления является ярко выраженный антиурбанизм [26].

С 1990-х годов предпринимаются попытки возродить и практику этнизации городской среды путем символического присвоения пространства Сыктывкара отдельными этническими группами, ибо на сыктывкарских городских конференциях коми народа регулярно звучат призывы «придать национальный колорит» столице республики. Как реакция на эти призывы появились не только двуязычные названия улиц и учреждений, не только коми названия объектов общепита и торговли, но и орнаменты на фонарных столбах (представляемые как коми национальный орнамент). Той же самой идее отчасти должен был служить и проект «Городские легенды» (ничего общего не имеющий с городским фольклором). В рамках проекта перед зданием, где находится офис городского отделения межрегиональной организации «Коми войтыр», появился памятник букве «Ӧ» из коми алфавита, а на перекрестке улиц Интернациональной и Бабушкина — памятник коми корове.

Но сегодняшний Сыктывкар многоязычен и многокультурен, как и другие крупные современные города, поэтому у него нет и, вероятно, не может быть какой-то одной этнической доминанты.

Сама городская идентичность жителей столицы Коми неоднородна и характеризуется своеобразной дуалистичностью: с одной стороны, жители, как показали наши исследования, воспринимают его как некий региональный центр, имеющий важное значение в жизни республики, а с другой — считают его тихим, провинциальным городским поселением, где жизнь не очень динамична (именно так воспринимают город и многие приезжие, которые делятся своими впечатлениями о городе в социальных сетях). В сознании населения нет ярко выраженного «комплекса столичности». А вот провинциальность свойственна не только самовосприятию сыктывкарцев, но и получила яркое литературное отражение. Речь идет о книге Максима Котина «И ботаники делают бизнес», изданной в Петербурге, где вместе с образом провинциального бизнесмена постоянно присутствует и образ города, провинциальный по своей сути, именуемый автором «Городом с двумя "Ы"». В комментариях местных журналистов по поводу выхода книги провинциальность города была вольно или невольно также подчеркнута, причем даже в самом названии публикации [27]. Летом 2021 года возникла идея законодательно закрепить за городом столичный статус, ибо власти решили, что только так он обретет реальный столичный статус [28]. Между тем с социологической точки зрения очевидно, что для «прививки» городу «столичного духа» нужно не только придать столичный лоск его улицам и витринам магазинов, но и сформировать соответствующее восприятие города — городскую идентичность, создать и обновлять городской столичный текст, который не имеет ничего общего с формальными актами о статусе городского поселения.

Формирование городских киберпространств. Сегодня, говоря о городских пространствах и городских сообществах, нельзя обойти вниманием виртуальные пространства и интернет-сообщества.

Интернет-ресурсы, которые связаны с Сыктывкаром и Воркутой, многочисленны, ибо ныне большинство государственных институтов и компаний, действующих в указанных городах, имеют свои сайты. Есть и, казалось бы, «самые городские» сайты: «Мой Сыктывкар» и «Моя Воркута». Но оба эти сайта являются официальными и содержат сухую информацию о происходящих в городах событиях и никак не отражают ни особенности городской идентичности, ни «дух города».

В этом смысле более интересно обратить внимание на молодежные сайты, ибо главная социальная проблема всей республики — массовый отъезд за ее пределы молодежи. А будущее ее городов зависит именно от молодежных настроений.

Большинство российских исследований, проводимых среди различных групп молодёжи и посвященных анализу её активности в сети «Интернет», как правило, включают в выборочную совокупность молодёжь наиболее развитых городов — Москвы, Санкт-Петербурга и других мегаполисов. Поэтому очевидно, что актуальным представляется изучение типов виртуальных коммуникаций, характерных для периферийной молодёжи. Рассмотрим основные сетевые ресурсы и их местную молодежную специфику, включенность местных молодежных сетевых сообществ в более широкие виртуальные социальные сети.

Сегодня для получения какой-либо информации или сведений о чём-либо молодёжь, в отличие от предшествующего ей поколения, в первую очередь обращается к всемирной паутине — Интернету. Однако при работе с сетевыми ресурсами есть риск наткнуться на значительное число фальсификаций и неточностей. Данный риск сопровождает практически весь спектр деятельности молодёжи в современном киберпространстве.

Город Сыктывкар является столицей Республики Коми и вместе с тем — региональным интернет-хабом (от англ. hub — «центр», «объединение») большинства молодежных организаций. Отсюда

следует более высокая концентрация региональных онлайн-сообществ и более развитое региональное направление молодёжной политики, чем в остальных городах республики. Однако и местный компонент развит на достаточном уровне. Согласно проведённому первичному анализу онлайн-сообществ молодёжных организаций г. Сыктывкара в социальной сети «ВКонтакте», молодёжное киберпространство города довольно разнообразно. В первую очередь это объясняется статусом столицы региона — Республики Коми, то есть местом сосредоточения органов государственной власти, региональных штабов общественных, волонтёрских и политических молодёжных организаций. Многочисленные школьные и студенческие объединения представляют собой первичные отделения уже существующих региональных или даже федеральных организаций. Таковыми являются, к примеру, региональные отделения Российского движения школьников, Российского союза молодёжи, Молодой Гвардии ЕДИНОЙ РОССИИ, Молодёжного Парламента при Государственном Совете Республики Коми. Интернет-сообщества в социальной сети «ВКонтакте» данного типа похожи между собой и служат своеобразным мостиком между организацией и остальным молодёжным сообществом. Функции данных сообществ весьма схожи с функциями СМИ и сводятся в основном к публикации новостей и отчётов о проводимых мероприятиях. Тематические новости (например, политические) публикуются исключительно в сообществах схожего с тематикой новости направления. Это даёт молодёжи некую свободу в плане отказа от какой-либо публикуемой новостной тематики в сообществах, что играет на руку и самим организациям, позволяя, таким образом, продемонстрировать разнообразие повестки деятельности каждого из них и привлечь в свои ряды всё больше и больше представителей молодёжи.

Без сомнения, крупнейшими организациями с наибольшей по числу уникальных пользователей аудиторией являются онлайн-сообщества волонтёрских добровольческих центров и объединений

(Молодёжка ОНФ, Ресурсный центр добровольчества и др.), а также молодёжных общественных организаций (Российский союз молодёжи).

В свою очередь, результаты анализа онлайн-сообществ г. Воркуты весьма удручают: анализ показал, что молодёжное киберпространство города неоднозначно и чрезвычайно бедно. При этом положительным моментом является то, что одними из наиболее востребованных являются документы и сведения об истории города. Возможно поэтому она является основной темой для многих воркутинских групп в социальных сетях: от библиотек до газет.

Большую часть электронных ресурсов, представляющих непосредственный интерес для молодёжи Воркуты, составляют электронные базы данных документов, материалов и изданий по истории Воркуты, которые имеют учреждения города, работающие в сфере сохранения культурного достояния, — архив, музей, библиотечная система. Несмотря на глобальную объединяющую миссию, специфика у каждого учреждения своя. Основные направления воркутинского местного краеведения достаточно широки — хроника городских событий; местонахождение, даты создания и реорганизации учреждений и предприятий; сведения о выдающихся уроженцах и жителях края; даты создания, описания и изображения памятников природы, архитектуры, истории и культуры [29].

Основной организацией молодёжного досуга и дополнительного образования города является Дворец творчества детей и молодёжи г. Воркуты. В отличие от организаций, ориентированных на детей школьного возраста (например, РДШ), Дворец творчества занимается досугом не только школьников, но и студентов. Интернет-сообщество организации в социальной сети «ВКонтакте» можно назвать главным среди прочих подобных местных сообществ с точки зрения привлечения и охвата молодёжной аудитории и формирования городской идентичности Воркуты. Стоит отме-

туть тот факт, что, по мнению самих воркутинцев, Дворец творчества является одной из самых популярных (если не самой популярной) в молодёжной среде организацией, ориентированной исключительно на данную группу населения.

Остальные онлайн-сообщества в основном принадлежат организациям, носящим государственный характер, — местное отделение РДШ, Отдел молодёжной политики администрации МО ГО «Воркута», Молодёжный консультативный совет при Совете МО ГО «Воркута», Союз молодёжи г. Воркуты. Как таковой, реальной пользы от данных сообществ не исходит, а аудиторный охват, хотя бы близко сопоставимый с охватом сыктывкарских интернет-сообществ той же сферы, не наблюдается. Кроме того, к сожалению, большинство вышеупомянутых онлайн-сообществ молодёжных организаций г. Воркуты в социальной сети «ВКонтакте» уже давно заброшены и не обновлялись несколько лет. Это тот случай, когда разнообразие организаций не коррелирует с их эффективной работой на благо молодёжи города. По внешнему облику данных сообществ судят о деятельности различных молодёжных организаций, в особенности — государственных. Можно с уверенностью сделать вывод о том, что молодёжь абсолютно не вовлечена в управление городским сообществом, её интересы учитываются лишь при исполнении регионального или федерального законодательства. Однако, с другой стороны, можно прийти и к выводу о том, что молодёжь Воркуты, в первую очередь, сама не заинтересована в участии в жизни города и развитии молодёжных организаций на его территории.

Проведённый анализ молодёжных онлайн-сообществ Сыктывкара и Воркуты показал, что большинство данных сообществ являются информационными ресурсами молодёжных (и не только) организаций. Это в основном государственные организации (например, Российское движение школьников), волонтерские доброволь-

ческие объединения, досуговые центры. Широкое развитие получила сфера некоммерческих объединений школьников и студентов, общественных организаций, местных студенческих сообществ, за редким исключением — сообществ реально существующих молодёжных политических организаций. Данный факт показывает, на удивление, крайне низкую заинтересованность молодёжи в политической жизни своего города. Объяснить это возможно тем, что в провинциальных городах молодёжь стремится в первую очередь разнообразить собственный досуг, не интересуясь при этом участием в управлении городским сообществом, предпочитая отдавать его в руки профессионалов. Лишь небольшая часть школьников и студентов вовлечена в молодёжные политические организации. Также в ходе проведённого анализа замечена существенная разница в аудиторном охвате молодёжных сообществ г. Воркуты и г. Сыктывкара в пользу последнего. Данный факт объясняется статусом Сыктывкара как региональной столицы и, как следствие, регионального центра большинства исследуемых организаций. Немаловажную роль играет также и численность населения, и непосредственная доля молодёжи в нём: данный показатель в г. Сыктывкаре по всем параметрам превосходит показатель в г. Воркуте. *И таким образом можно сделать весьма неожиданный вывод: если оценивать социальные и символические пространства, то сегодня Сыктывкар является реальной столицей республики в первую очередь в интернет-пространстве.*

Заключение. Таким образом, мы можем сказать, что сегодня города Европейского Севера России находятся в активном поиске своей самости или самобытности. В силу многих исторических причин географические и социальные пространства этих городов мозаичны и символически разделены и в этом смысле их, согласно бытующим в социологии города терминам, можно называть фрагментированными, разделёнными или двойными [30, с. 4]. Но при этом

пространственная организация городов вовсе не является препятствием для формирования прочных городских идентичностей и образов, о чем свидетельствует пример Воркуты в ее «золотой век». Но городские образы, ментальные карты городов и городские идентичности изменчивы, и эта изменчивость определяется характером социальных изменений, происходящих в обществе. Сегодня целенаправленному формированию прочных городских идентичностей и запоминающихся городских образов мешает отсутствие понимания того, что городская среда формируется прежде всего горожанами. Образы городов и городские идентичности пытаются формировать сверху путем различных проектов, плохо связанных с культурной средой (сыктывкарские «Городские легенды»), в то время как такого рода культурные явления могут быть успешными, если они рождаются снизу, то есть в среде простых горожан, и являются плодом их совместного творчества. При этом они становятся таким явлением, только когда принимаются сообществом, а следовательно, становятся включенными в городской текст.

Библиографический список

1. Смелзер Н. Социология : пер. с англ. М.: Феникс, 1994. 688 с.
2. Гиденс Энтони. Социология : пер. с англ. / при участии К. Бердсолл. 2-е изд., полностью перераб. и доп. М.: Едиториал УРСС, 2005. 632 с.
3. Ярская-Смирнова Е. Р., Романов П. В. Социальная антропология. Ростов н/Д.: Феникс, 2004. 416 с. (Серия «Высшее образование»).
4. Parado Italo, Prato Giuliana B. Anthropology in the City: Methodology and theory // *Urbanities*, Vol. 3, no 2, November 2013. С. 80—110.
5. Lynch, Kevin. *The Image of the City*. Cambridge MA: MIT Press, 1990. 187 с.
6. Jacobson D. Mental maps // *Encyclopedia of Human Geography* / Ed.by Warf B. London: SAGE. С. 300—301.
7. White, Harrison C. *Identity and Control. How Social Formations Emerge*. Princeton: Princeton University Press, 2008. 456 с.

8. Георги И. Г. Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного, с планом. [Б. м.]: Adamant Media Corporation, 2001. 567 с. — Осн. на изд.: Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного, с планом : в 3 ч. Ч. 1—3. СПб.: При Имп. Шляхетном сухопутном кадетском корпусе, 1794. Ч. 1: 1 грав. тит. л., [8], XI, [15], 272. 2 с.; Ч. 2: [2], 273—576 с.; Ч. 3: [2], 577—757 с., [1] л. план.

9. Холина М. В. Исследования истории малого советского города в отечественной и региональной историографии // Современные проблемы науки и образования. 2009. № 3—3. С. 167—175.

10. Гонина Н. В., Аксенова А. В. Генезис социокультурного подхода в отечественной урбанистике и иркутская научная школа // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2017. Иркутск: БГУ, 2017. С. 476—485.

11. Будина О. Р., Шмелева М. Н. Город и народные традиции русских. По материалам Центрального района РСФСР. М.: Наука, 1989. 254 с.

12. Томилов Н. А. Народная культура городского населения Сибири: очерки историографии и теории историко-этнографических исследований. Омск: Издательский дом «Наука», 2010. 164 с.

13. Швайцер П. Коренные народы и урбанизация на Аляске и на Канадском Севере // Этнографическое обозрение. 2016. № 1. С. 10—22.

14. История Коми с древнейших времен до конца XX века / под общ. ред. А. Ф. Сметанина. Сыктывкар: Коми книжн. изд-во, 2004. Т. 1. 560 с.

15. Крупник И. И. Арктическая этноэкология: Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии / отв. ред С. А. Арутюнов. М.: Наука, 1989. 270 с.

16. Ложникова И. Ф. Феномен российского северного города: социокультурные и экологические перспективы развития : автореф. дис. ... канд. культ. наук М., 2008. 22 с.

17. Змеева О. «Старый» — «новый» Мурманск: город и его жители // Антропология города. Вып. 2: Северный город: Культурное пространство и культурные идентичности в арктических и субарктических городах / под ред. Ю. П. Шабаева, И. Л. Жеребцова, М. А. Омарова. М.: РГГУ; Сыктывкар: Ин-т языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2020. С. 51—69.

18. Шабаев Ю. П., Жеребцов И. Л., Журавлев П. С. «Русский Север» как культурный проект // Вестник поморского университета, 2011. № 9. С. 173—190.

19. Шабает Ю. П., Рябинкин Г. С. «Парижские тайны» столицы Коми: множественность образов и идентичностей в культурном пространстве города // Этнографическое обозрение. 2014. № 3. С. 128—147.

20. Рогачев М. Б. Столица зырянского края: очерки истории Усть-Сысольска конца XVIII — начала XX века / [худож. В. Б. Осипов]. Сыктывкар: [б. и.], 2010 (Коми республиканская типография). 246 с.

21. Самойлов Л. Этнография лагеря // Советская этнография. 1990. № 1. С. 96—108.

22. Шабает Ю., Жеребцов И., Лабунова О. Антропология заполярного города: идентичность, ментальная карта и меняющиеся образы Воркуты // Антропология города. Вып. 2: Северный город: Культурное пространство и культурные идентичности в арктических и субарктических городах / под ред. Ю. П. Шабаета, И. Л. Жеребцова, М. А. Омарова. М.: РГГУ; Сыктывкар: Ин-т языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2020. С. 12—50.

23. Зимица А. Гимн старых воркутян // Высокие широты. Воркута, 2007. С. 9.

24. Малышева С. Ю., Сальникова А. А. Российский провинциальный город 1920-х годов: визуализация «советскости» // Визуальная антропология: городские карты памяти / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М.: Вариант, ЦСПГИ, 2009. С. 121—142.

25. Жеребцов И. Л. Населенные пункты Республики Коми : историко-этнографический справочник. М.: Наука, 2001. 454 с.

26. Партэ К. Русская деревенская проза: светлое прошлое. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2004. 204 с.

27. В бананово-лимонном Сыктывкаре // Трибуна. 2011. 27 мая.

28. Сычева Е. Сыктывкар обретет статус столицы Коми // Газета ПРОГОРОД. 2021. №29 (669). 24 июля.

29. Зайцева О. В. Интернет-история Воркуты: Из опыта работы МБУК «Централизованная библиотечная система» г. Воркуты. Воркута: МБУК «ЦБС», 2018. 36 с.

30. Gottdiener M., Budd I. Key concept in urban studies. L.: New Delhi, 2005. 188 p.

References

1. Smelzer N. *Sociologiya: per. s angl.* [Sociology: transl. from eng.] Moscow: Feniks, 1994. 688 p. (In Russ).
2. Gidens Entoni *Sociologiya* [Sociology] / *Pri uchastii K. Berdsoill: Per. s angl. Izd. 2-e, polnost'yu pererab. i dop.* Moscow: Editorial URSS, 2005. 632 p. [In Russ].
3. Yarskaya-Smirnova E. R., Romanov P. V. *Social'naya antropologiya. Seriya «Vyshee obrazovanie»* [Social anthropology. "Higher education" series]. Rostov-na-Donu: Feniks, 2004. 416 p. (In Russ).
4. Parado Italo, Prato Giuliana B. Anthropology in the City: Methodology and Theory. *Urbanities*, vol. 3, no 2, November 2013, pp. 80—110.
5. Lynch, Kevin. *The Image of The City*. Cambridge MA: MIT Press, 1990. 187 p.
6. Jacobson D. Mental maps. *Encyclopedia of Human Geography* / Ed.by Warf B. London: SAGE, pp. 300—301.
7. White, Harrison C. *Identity and Control. How Social Formations Emerge*. Princeton: Princeton University Press, 2008. 456 p.
8. Georgi, I. G. *Opisanie rossijsko-imperatorskogo stolichnogo goroda Sankt-Peterburga i dostopamyatnostej v okrestnostyah onogo, s planom* [Description of the Russian-imperial capital city of St. Petersburg and monuments in its vicinity, with a plan] / I.G. Georgi. — [B. m.]: Adamant Media Corporation, 2001. 567 p. (In Russ) — Osn. na izd.: *Opisanie rossijsko-imperatorskogo stolichnogo goroda Sankt-Peterburga i dostopamyatnostej v okrestnostyah onogo, s planom* [Description of the Russian-imperial capital city of St. Petersburg and monuments in its vicinity, with a plan] / I. G. Georgi. Saint-Petersburg, 1794 (In Russ).
9. Holina M. V. Studies of a small Soviet town history in Domestic and regional historiography. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], 2009, no. 3-3, pp. 167—175 (In Russ.)
10. Gonina N. V., Aksenova A. V. The genesis of the sociocultural approach in domestic urban studies and the Irkutsk scientific school. *Irkutskij istoriko-ekonomicheskij ezhegodnik* [Irkutsk Historical and Economic Yearbook]: 2017. Irkutsk: BGU, 2017, pp. 476—485.
11. Budina O. R., Shmeleva M. N. *Gorod i narodnye tradicii russkikh* [City and folk traditions of Russians]. Moscow: Nauka, 1989. 254 p. (In Russ.)

12. Tomilov N. A. *Narodnaya kul'tura gorodskogo naseleniya Sibiri: ocherki istoriografii i teorii istoriko-etnograficheskikh issledovanij* [Folk Siberian urban population culture: essays on historiography and the theory of historical and ethnographic research]. Omsk, 2010. 164 p. (In Russ.)

13. Shvajcer P. Indigenous Peoples and Urbanization in Alaska and the Canadian North. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 2016, no. 1, pp. 10—22. (In Russ.)

14. *Istoriya Komi s drevnejshih vremen do konca XX veka* [History of Komi since ancient times until the end of XXth century]. *Pod obshchej redakciej A. F. Smetanina*. Vol. 1. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo, 2004. 560 p. (In Russ.)

15. Krupnik I. I. *Arkticheskaya etnoekologiya: Modeli tradicionnogo prirodopol'zovaniya morskikh ohotnikov i olenevodov Severnoj Evrazii* [Arctic Ethnology: Models of Traditional Nature Use of Marine Hunters and Reindeer Herders of Northern Eurasia] / *Otv. red S. A. Arutyunov*. Moscow: Nauka, 1989. 270 p. (In Russ.)

16. Lozhnikova I. F. *Fenomen rossijskogo severnogo goroda: sociokul'turnye i ekologicheskie perspektivy razvitiya. Avtoref. cand. diss.* [The phenomenon of the Russian northern city: socio-cultural and environmental development prospects. Abstr. kand. diss.]: Moscow, 2008. 22 p. (In Russ.)

17. Zmeeva O. “Old” — “New” Murmansk: the city and its inhabitants. *Antropologiya goroda. Vypusk 2: Severnyj gorod: Kul'turnoe prostranstvo i kul'turnye identichnosti v arkticheskikh i subarkticheskikh gorodah* [Urban anthropology. Issue 2: Northern City: Cultural Space and Cultural Identities in Arctic and Sub-Arctic Cities] / *Pod red. Yu. P. Shabaeva, I. L. Zherebcova, M. A. Omarova*. Moscow: RGGU; Syktyvkar: In-t yazyka, literatury i istorii Komi NC UrO RAN, 2020, pp. 51—69 (In Russ.)

18. Shabaev Yu. P., Zherebcov I. L., Zhuravlev P. S. “Russian North” as the cultural project. *Vestnik pomorskogo universiteta* [Pomor University Bulletin], 2011, no. 9, pp. 173—190. (In Russ.)

19. Shabaev Yu. P., Ryabinkin G. S. “Parisian Mysteries” of the Komi Capital: Multiple Images and Identities in the Cultural Space of the City. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 2014, no. 3, pp. 128—147. (In Russ.)

20. Rogachev M. B. *Stolica zyryanskogo kraja: ocherki istorii Ust'-Syl'ska konca XVIII — nachala XX vekov* [The capital of the Zyryan region: essays on the history of Ust-Sysolsk at the end of the 18th — beginning of the 20th centuries]

/ М. В. Rogachev; [art. V. B. Osipov]. Syktyvkar: [w.p.], 2010 (Komi respublikan-skaya tipografiya). 246 p. (In Russ.)

21. Samojlov L. Camp ethnography. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography], 1990, no. 1, pp. 96—108 (In Russ.)

22. Shabaev Yu., Zherebcov I., Labunova O. Anthropology of the Polar City: Identity, Mental Map and Changing Images of Vorkuta. *Antropologiya goroda. Vypusk 2: Severnyj gorod: Kul'turnoe prostranstvo i kul'turnye identichnosti v arkticheskikh i subarkticheskikh gorodah* [Anthropology of the city. Issue 2: Northern City: Cultural Space and Cultural Identities in Arctic and Sub-Arctic Cities] / Pod red. Yu. P. Shabaeva, I. L. Zherebcova, M. A. Omarova. Moscow: RGGU; Syktyvkar: In-tazyka, literatury i istorii Komi SC UrB RAS, 2020, pp. 12—50 (In Russ.)

23. Zimina A. Old vorkutians' anthem. *Vysokie shirotы* [High latitudes]. Vorkuta, 2007, p. 9. (In Russ.)

24. Malysheva S. Yu., Sal'nikova A. A. Russian provincial town of the 1920s: visualization of "Sovietness". *Vizual'naya antropologiya: gorodskie karty pamyati* [Visual Anthropology: Urban Memory Cards] / Pod red. Pavla Romanova, Eleny Yarskoj-Smirnovoj. Moscow: Variant, CSPGI, 2009, pp. 121—142. (In Russ.)

25. Zherebcov I. L. *Naselennye punkty Respubliki Komi. Istoriko-etnograficheskij spravochnik* [Settlements of the Komi Republic. Historical and ethnographic reference book]. Moscow: Nauka, 2001. 454 p. (In Russ.)

26. Parte K. *Russkaya derevenskaya proza: svetloe proshloe* [Russian village prose: a bright past] Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 2004. 204 p. (In Russ.)

27. In banana-lemon Syktyvkar. *Tribuna* [Tribune], May 27, 2011 (In Russ.)

28. Sycheva Evgeniya. Syktyvkar will acquire the status of the capital of Komi Republic. *Progorod* ["PROGOROD" newspaper], no 29(669), June 24, 2021. (In Russ.)

29. Zajceva O. V. *Internet istoriya Vorkuty* [Internet history of Vorkuta]: Iz opyta raboty MБУK «Centralizovannaya bibliotechnaya sistema» g. Vorkuty [From the experience of Municipal budgetary institution of culture "Centralized Library System" in Vorkuta]. Vorkuta: MБУK «CBS», 2018. 36 p. (In Russ.)

30. Gottdiener M., Budd I. *Key concept in urban studies*. L.: New Delhi, 2005. 188 p.